

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН УПК РФ

В статье рассмотрены проблемные вопросы уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела на основе действующего принципа состязательности. Автором вносятся предложения по расширению диспозитивных начал уголовного судопроизводства: по ограничению активности суда, по наделению адвоката-защитника дополнительными средствами и способами защиты, по укреплению правового положения потерпевшего.

На современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства можно констатировать, что производство по уголовным делам приближено к состязательной модели уголовного судопроизводства. Принцип состязательности и равноправия сторон теперь является одним из главных моментов новой уголовно-процессуальной идеологии.

Как известно, основой вышеуказанного принципа является размежевание трех основных функций уголовной процедуры – уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела. Данное положение нашло свое отражение в ч. 2 ст. 15 УПК РФ [1]. В иных нормах Закона этот принцип далеко не всегда находит свое применение.

8 декабря 2003 года Конституционным судом РФ вынесено постановление по делу о проверке конституционности положений ряда статей УПК, предметом рассмотрения которого явились части первая и четвертая статьи 237 УПК Российской Федерации, ограничивающие возможность возвращения судом первой инстанции уголовного дела прокурору в случае выявления допущенных в досудебном производстве по данному уголовному делу нарушений уголовно-процессуального закона. Данным постановлением была признана не противоречащей Конституции Российской Федерации часть первая статьи 237 УПК.

В соответствии со ст. 237 УПК судье предоставляется право по собственной инициативе вернуть дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом по существу. При этом законодатель не указывает на характер допущенных в досудебном производстве нарушений. На наш взгляд, здесь может идти речь только о препятствиях чисто процессуального характера, то есть данная норма не должна быть направлена на восполнение пробелов предварительного расследования или дознания.

Нарушение процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого в стадии предварительного расследования, безусловно, может лишить их эффек-

тивной судебной защиты. В качестве гарантии процессуальных прав участников уголовного судопроизводства конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное соблюдение процедур уголовного преследования. Поэтому в случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для рассмотрения дела по существу. Тем самым лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве, прежде всего обвиняемому и потерпевшему, обеспечивается гарантированное статьей 46 Конституции РФ право на судебную защиту их прав и свобод, а также другие права, закрепленные в ее статьях 47–50 и 52.

Если законодатель вкладывал именно такой смысл в вышеуказанную норму, то становится непонятно, для чего в рамках ст. 283 УПК суд по собственной инициативе может назначить судебную экспертизу, а также формулировать вопросы перед экспертом и по собственной инициативе назначать дополнительную или повторную экспертизы. Такая чрезмерная активность суда не может свидетельствовать о последовательном разграничении уголовно-процессуальных функций в судебных стадиях производства по делу, поскольку назначение экспертизы судом есть не что иное как действие, направленное на восполнение неполноты проведенного следствия или дознания, основанного на недостаточности доказательственной базы по делу.

Положения ст. ст. 237, 283, по нашему разумению, вступают в противоречие с постановлением Конституционного суда РФ от 20.04.1999 г. [2], поскольку этим постановлением была еще до принятия нового уголовно-процессуального закона пресечена возможность судебных органов осуществлять деятельность с оттенком «обвинительного уклона». В связи с чем указанную норму необхо-

димо считать откатом к прежнему положению вещей, когда в руках правосудия были сосредоточены функции уголовного преследования и разрешения дела, что, естественно, свидетельствует об отсутствии равенства сторон в судопроизводстве.

На наш взгляд, за судом могут быть сохранены полномочия по собиранию доказательств с целью осуществления проверочных действий относительно ранее представленных доказательств сторонами, для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, и это является его задачей – устранить возникающие у суда сомнения. В судебном разбирательстве решение по делу зависит от того, насколько полно стороны в суде воспользовались равными процессуальными возможностями. Обязанность суда в данном случае сводится к созданию необходимых условий для состязания. Следовательно, активность суда в его деятельности должна присутствовать. К тому же, как отмечалось в определении Конституционного суда РФ от 23.01.2001 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина К.А., «осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия не исключает наличия у него права в рамках предъявленного подсудимому обвинения истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций доводов, оценивать значение тех или иных обстоятельств для правильного разрешения уголовного дела и принимать на основе такой оценки соответствующего решения». Суд не участвует в уголовном преследовании, и если он выносит обвинительный приговор, то это означает, что суд на основе состязательности сторон (обвинения и защиты) рассмотрел дело по существу и вынес свое решение [3]. Функция суда в состязательном производстве состоит в разрешении спора двух противоборствующих сторон путем создания им условий для беспрепятственного исследования материалов дела, отстаивания своих позиций относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию, и, в конечном счете, своего процессуального интереса. Суд несет ответственность за приговор только в части правильной аргументации своих выводов, сложившихся на основе исследования доказательств, представленных сторонами. В этой связи суд не обязан восполнять те пробелы в представленной сторонами доказательственной базе, которые существуют в материалах дела.

Таким образом, активность суда в доказывании является второстепенной по отношению к активности сторон, а также такая активность не мо-

жет быть обязанностью суда, а его правом и лишь в той мере, в которой этого требует принятие правильного, а значит законного, обоснованного и справедливого итогового решения по делу. Этим выводом мы подчеркиваем соотношение функций в уголовном судопроизводстве.

Участие адвоката – защитника подозреваемого, обвиняемого есть важная гарантия обеспечения личности права на защиту. Но право на защиту отнюдь не сводится к праву иметь защитника. Подозреваемому и обвиняемому предоставляются права, дающие ему возможность воспользоваться лично правом на защиту и защищаться самому. Но без участия адвоката система таких гарантий будет неполной. Наиболее интересным представляется правомочие защитника на участие в доказывании, поскольку в соответствии с новым УПК здесь имеются новеллы. Само по себе доказывание есть не что иное, как установление обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, которое осуществляется посредством уголовно-процессуальной деятельности дознавателя, следователя, прокурора и суда, выполняемой при участии всех иных участников процесса по формированию возможных по делу следственных версий, собиранию, проверке и оценке доказательств и их источников по этим версиям, а равно по обоснованию выводов и принятию процессуальных решений по делу. Одним из структурных элементов уголовно-процессуального доказывания выступает, как видим, собирание доказательств. В числе способов собирания доказательств мы находим и их представление участниками уголовного судопроизводства или другими лицами (ст. 86 УПК РФ).

Однако общая трактовка доказательств, как любых сведений, удостоверяющих в установленном законом порядке наличие или отсутствие общественно опасного деяния или иных данных, имеющих значение для правильного разрешения дела, полученных и зафиксированных в соответствии с установленными правилами органом, осуществляющим производство по делу, – ограничивает право обвиняемого и его защитника представлять доказательства, ибо обязывает реализовывать это право лишь тогда, когда им заведомо известно о достоверности сведений, представляемых в качестве доказательств. Во многих случаях такое требование неисполнимо, поскольку у обвиняемого и защитника нет процессуальных средств проверки представляемых сведений (далеко не всегда эта проверка возможна для них и за пределами процессуальной формы).

В. Балакшин считает: «Для того чтобы придать принципу состязательности и равноправия сторон не декларативный, а реальный характер, следует, прежде всего, освободить органы расследования и прокурора от обязанностей собирать доказательств, оправдывающие и смягчающие вину лица, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления, предоставив такие полномочия защите» [4].

Аргументами против данного предложения противники чаще всего выдвигают тезис о том, что «такое построение процесса в досудебных его стадиях приведет к обвинительному уклону и односторонности в деятельности как органов предварительного расследования, так и прокурора. Подобная состязательность между сторонами, осуществляющими уголовное преследование, с одной стороны, и защиту – с другой, не будет способствовать достижению истины по делу» [5].

Вместе с тем мы считаем, что именно наделение адвоката правом вести свое собственное параллельное расследование и представлять суду свои материалы по уголовному делу есть один из важнейших методов повышения эффективности функции защиты в уголовном процессе. Данная новелла призвана гарантировать права личности, в частности права на защиту.

Одним из ключевых моментов повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности адвоката-защитника должно стать так называемое «защитительное заключение» [6]. В его основу могут быть положены добытые стороной защиты доказательства, оправдывающие и (или) смягчающие вину подсудимого. Такой процессуальный документ должен быть приравнен по своей значимости к обвинительному заключению или обвинительному акту. Копии заключения стороны защиты должно быть заблаговременно вручены до начала судебного разбирательства заинтересованным участникам по делу. Оно должно быть оглашено в судебном заседании вслед за оглашением государственным обвинителем обвинения.

Кроме того, на законодательном уровне необходимо закрепить уже укоренившуюся адвокатскую практику представлять суду перед удалением его в совещательную комнату текст выступления в судебных прениях с изложением ответов, с позиции исследования всех обстоятельств дела стороной защиты, по вопросам, изложенным в ст. 299 УПК. Аналогичную обязанность возложить на государственного обвинителя.

Исследуя вопрос о равноправии сторон в уголовном судопроизводстве, особое внимание следу-

ет обратить на роль в обвинительной деятельности потерпевшего.

Глава 6 УПК относит потерпевшего к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а следовательно, уголовно-процессуальный закон должен определить степень его участия в возбуждении уголовного преследования, формирования обвинения, его изменения и прекращения в суде по делам публичного и частно-публичного обвинения.

Нам представляется, что потерпевший должен быть наделен диспозитивными полномочиями не только при полном или частичном отказе государственного обвинителя от обвинения, но и при изменении им обвинения в сторону смягчения. На такого рода решения также должно быть получено согласие потерпевшего. В противном случае право потерпевшего на участие в уголовном преследовании становится не более чем декларацией. И тому есть примеры практической деятельности.

Так, согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений охраняются законом, а на государство возложена обязанность обеспечить потерпевшим доступ к правосудию. Отступление от этого конституционного принципа повлекло существенное нарушение прав потерпевшего по делу И., рассмотренному военным судом Оренбургского гарнизона.

И. был признан виновным в том, что в помещении столовой в ответ на отказ не состоявшего с ним в отношениях подчиненности П. дать ему ключ от кладовой для хранения продуктов нанес тому удар кулаком, чем причинил потерпевшему закрытый перелом скуловой кости со смещением обломков, сотрясение головного мозга и гематомы лица – вред здоровью средней тяжести.

Эти действия И. были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 335 УК РФ и ему было назначено наказание с применением ст. 73 УК РФ, в виде лишения свободы сроком на 2 года условно с испытательным сроком в один год.

При рассмотрении дела суд первой инстанции не установил возможность явки потерпевшего П. в суд и провел судебное заседание в его отсутствие. Вследствие этого остался неучтенным ряд обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Так, в кассационной жалобе П. указал, что причиненные ему И. телесные повреждения повлекли видимую деформацию лица, что вызвало у него не только физические, но и нравственные страдания. Потерпевший высказал несогласие с выводом суда в приговоре о чистосердечном раскаянии И. в со-

деянном, указав, что тот до настоящего времени перед ним даже не извинился. В результате, как следует из кассационной жалобы потерпевшего, И. было назначено наказание, не соответствующее тяжести содеянного, и необоснованно снижен размер возмещения морального вреда с 30 000 руб. до 5000 руб.

По указанным основаниям приговор суда первой инстанции был отменен Приволжским окружным военным судом, а дело направлено на новое судебное рассмотрение [7].

Правовое положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве по-прежнему весьма близко к положению свидетеля. Правовое регулирование показаний потерпевшего и свидетеля как доказательств, правила допроса этих лиц одинаковы,

и в этом смысле УПК не учитывает природу процессуального статуса потерпевшего как обвинителя. Формирование статуса рассматриваемой фигуры должно происходить в момент возбуждения уголовного дела. В связи с этим ст. 146 УПК следует дополнить пунктом следующего содержания: «В постановлении о возбуждении уголовного дела указываются сведения о потерпевшем, его законных и иных представителях».

В данной статье нами были освещены лишь те немногие наметившиеся проблемы, которые касаются применения принципа состязательности и равноправия сторон. Вместе с тем мы считаем, что этот принцип является ключевой идеей или даже новой идеологией дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства.

Список использованной литературы:

1. Постановление Конституционного суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» от 8.12.2003 г. №18-П // Российская газета, 2003. 23 декабря.
2. Постановление Конституционного суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросом Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» от 20.04.1999 г. №17-П // Российская газета. 1999. 27 апреля.
3. Гуськова А.П. Уголовное преследование (обвинение) в российском уголовном судопроизводстве / Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ – 2002. Материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск, 12-13 апреля 2002: В 3 ч. / Под общ. ред. В.А. Киселевой. – Челябинск, Южно-Уральский гос. ун-т, 2002. Ч. 2. С. 26.
4. Балакшин В. Состязательность или оптико-акустический обман? // Законность. – 2001, №12. С. 24-27.
5. Болтошев Е.Д. К вопросу о состязательности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России // Российский судья, 2001, №10. С. 17.
6. Здесь мы не совсем согласны с замечанием Л.М. Володиной: «Подобный документ должен называться не «защитительное заключение», а «заключение защиты», в противном случае нарушаются лексические нормы русского языка» (см.: Володина Л.М. Проблемы доказывания в условиях состязательности в российском уголовном процессе // Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ и практика его применения / Под ред. А.П. Гуськовой. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2002. С. 27). Если следовать данной логике, то процессуальный термин «обвинительное заключение» также не соответствует правилам русского языка. Общеизвестно, что юридическая техника письма весьма специфична и, нередко так бывает, идет в разрез с грамматическими и лексическими требованиями. Кроме того, предлагаемый автором термин «заключение защиты» уже ставит его в неравное положение с «обвинительным заключением».
7. Архив Оренбургского гарнизонного военного суда. Дело №10/38/0107-02 по обвинению Исакова Р.Х. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 335 УК РФ.